

Священнослужители Финиковы: отец и сыновья.

Иерей Леонид Фиников

ИЗ ИСТОРИИ
ТИХВИНСКИХ
МОНАСТЫРЕЙ И ХРАМОВ

В многодетной семье священнослужителя Дрегольского погоста Тихвинского уезда Михаила Финикова не только старший сын Владимир стал священником, но и второй сын, Леонид, тоже избрал путь служения Богу. Причем свой выбор он сделал тогда, когда представители духовенства и члены их семей уже подвергались гонениям: они лишались избирательных и других гражданских прав и облагались неподъемными налогами; церковные дома, в которых они жили, передавались местным властям; их подвергали обыскам, арестам и заключениям в тюрьму. Будучи грамотным человеком, за плечами которого было духовное училище и несколько классов духовной семинарии – учебных заведений, дававших хорошее образование, Леонид мог бы, пусть и с трудом, найти применение своим знаниям и умениям и в других сферах профессиональной деятельности. Но выбрал непростую судьбу священнослужителя.

Леонид Михайлович Фиников родился 25 июня (8 июля) 1898 года в селе Дрегли, где его отец был настоятелем храмов свт. Николая Чудотворца и свт. Димитрия Ростовского. Как и его старший брат Владимир, Леонид окончил сначала Тихвинское духовное училище, а затем учился в Новгородской духовной семинарии, полный курс обучения в которой завершить не успел. В 1917 году он был переведен в 5 класс, а 1 декабря 1918 года семинария была закрыта.

Вернувшись в родительский дом, он с 1918 года учительствовал в Вергишинской школе, а в 1921 году – в Дрегольской школе Жуковской волости Тихвинского уезда. Следующий год был началом его церковного служения: в 1922 году он стал псаломщиком.

В том же году или чуть раньше он женился на дочери священника Никольского погоста Тихвинского уезда Анатолия Покровского Екатерины. В деревне Заручевье до сегодняшнего дня сохранился дом, из которого молодой Леонид Фиников повел Екатерину под венец.

Своими корнями его жена была связана не только с родом священно- и церковнослужителей Покровских, но и с родом Рождественских. Ее мать была дочерью священника Богоявленского собора г. Демьянска Валериана Рождественского и внучкой священника Ильинско-Сяского погоста Тихвинского уезда Василия Рождественского.

Старшим братом Екатерины был будущий священномученик Николай Покровский, в 1924 году сменивший у Престола Никольской церкви своего отца, вышедшего за штат. Его расстреляют 3 декабря 1937 года. В июле 2002 года он будет прославлен в Соборе новомучеников и исповедников Церкви Русской.

В молодой семье Леонида и Екатерины один за другим появлялись на свет дети: Людмила, Авенир, Серафим, Нина, Михаил.

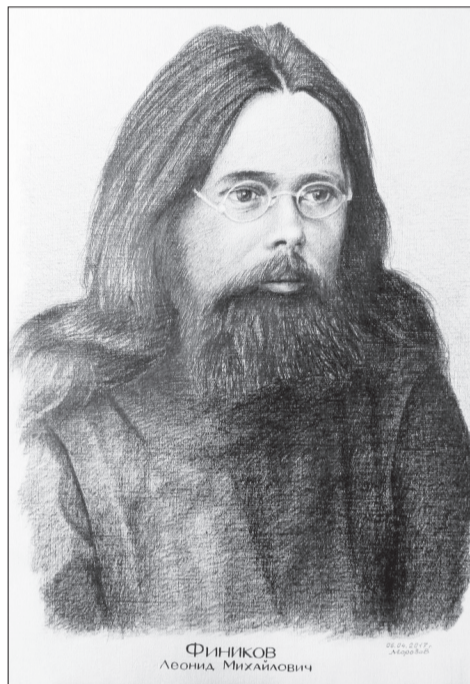
Жила семья Леонида Финикова в одном доме с его родителями и младшей сестрой Лидочкой. Их дом, принадлежавший ранее церкви, после революции муниципализировали, за проживание в нем нужно было платить, а денег у Финиковых почти не было. К 1921 году они жили в основном за счет личного труда на земле, оставленной в их пользование.

Церковных треб, которые являлись одним из основных источников доходов священников, становилось все меньше, а ставки налогов, которыми обложили священнослужителей, наоборот, росли. За их неуплату Финиковых раскулачили. Все хозяйство, которое Леонид вел совместно с отцом, отобрали: дом, 2 коровы, нетель, 3 лошади, 5,40 га земли.

В местной газете вышло несколько злобных статей об о. Михаиле, что не могло не отразиться на семье в целом. В доме, где они жили, неоднократно производились обыски. Отец Михаил несколько раз был арестован и заключен в тюрьму: в 1919-м, в 1920-м и в 1925 годах. Вся ответственность за мать, младшую сестру и свою собственную семью в тяжелое и тревожное время его отсутствия полностью легла на Леонида.

В 1922 году советская власть спровоцировала в Церкви раскол. Противостоящий обновленцам старший брат о. Леонида Владимир, протоиерей Знаменской и приписной к ней Пантелеймоновской церкви Тихвина, в 1923 году был арестован и через два месяца пребывания в тюрьме осужден на 3 года условно. Карательные органы держали в поле зрения и всех остальных членов семьи Финиковых.

Впервые о. Леонид был арестован 23 января 1931 года, на следующий день взяты под стражу и его отец. Затем арестовали двух их родственников: Николая Бухарина и Ни-

Леонид Михайлович Фиников.

коля Семчихина, первому из которых приписывали организацию в селе Дрегли контрреволюционной группировки. Отца и сына Финиковых обвинили в том, что, узнав от Николая Бухарина, гостившего у них весной 1930 года, «о существовании контрреволюционной организации «РКС», членом которой тот якобы являлся, они не сообщили об этом органам власти.

Во время допросов о. Леонид признал, что в личных разговорах Николай Бухарин действительно говорил о существовании в России какой-то антисоветской организации, но вступать в нее ему не предлагали. По его словам, о высказываниях родственника он не донес власти потому, что «не придал его рассказу значения, т.к. считал это простой болтовней...».

Сам Николай Бухарин категорически отрицал участие в какой-либо антисоветской организации и, тем более, создание в Дрегли контрреволюционной группировки. Вот его слова: «Действительно, будучи в феврале 1930 г. в с. Дрегле в семье Финиковых в присутствии Михаила, Леонида и их жен я хвастался о создании организации не хуже поповской, просто я трепанул, не думая, просто зря сказал, необдуманно, не вдаваясь ни в какие лишние подробности».

Советские при Коллегии ОГПУ от 18 ноября 1931 года постановило: «Финикова Леонида Михайловича выслать через ПП ОГПУ в Севкрай сроком на три года, считая срок с 23/1-31 г.». Это была так называемая «вольная высылка».

На целых три года он был оторван от семьи. На руках его жены, 27-летней Екатерины Анатольевны, оставались семилетняя дочь Людмила, пятилетний сын Авенир, двухлетний малыш Серафим и крошечная дочь Нина, которой на момент его ареста была всего неделя от роду. Одному Богу ведомо, как они тогда выжили. Все хозяйство Финиковых к тому времени было конфисковано, а их большой дом отдан под клуб.

По возвращении в 1934 году из ссылки о. Леонид служил священником Дрегольской церкви свт. Димитрия Ростовского. Усилиями жителей села Дрегли и близлежащих деревень церковь отремонтировали и привели в порядок. Она все еще отличалась великолепным убранством, и в ней оставалось много ценностей. Храм свт. Николая Чудотворца после Октябрьской революции был разграблен, а потом долгие годы использовал-

Екатерина Анатольевна Финикова.

ся в качестве районного отделения Дрегольской МТС.

В августе 1937 года до Дрегли донеслась весть о том, что снова начались аресты священников. 30 июля 1937 года был подписан секретный приказ НКВД №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», который положил начало Большому террору. Под смертоносный каток репрессий, развернувшихся в стране, попали практически все тихвинские священники.

В августе задержали 4-х батюшек. В сентябре навсегда увели из дома 11 священнослужителей. В октябре органы НКВД арестовали 4-х обновленческих священников. В ноябре вновь последовали задержания членов канонической Церкви. Все арестованные были приговорены к ВМН – расстрелу.

Священник Леонид Фиников до конца жизни оставался в лоне канонической Церкви. Об этом свидетельствует упоминание его имени в алфавитном списке клира Ленинградской области на 1 мая 1937 года, составленном митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским). В этом списке Дрегольская церковь отнесена к Тихвинскому району. Слово «район» здесь скорее подразумевает «благочиние», так как село Дрегли в 1931-1938 гг. являлось центром самостоятельного Дрегольского района. Принадлежность Дрегольской церкви к Тихвинскому благочинию подтверждается и показаниями благочинного Иоанна Сарва. Во время допроса 18 сентября 1937 года на вопрос следователя: «Расскажите о ваших связях по Тихвинскому и другим районам», он перечисляет всех священников Тихвинского, Капшинского, Ефимовского и Дрегольского районов, с которыми был связан как благочинный, в том числе и Леонида Финикова.

Отца Леонида арестовали 17 ноября. По словам его младшей дочери Нины, это было так: «Отец сидел у стола и вышивал скатерть. Увидел в окно, что к ним идут, и сказал: «Ну вот, и за мной пришли». Это были его последние слова».

Скатерть, которую отец в тот день вышивал, она бережно хранит до сих пор. «Это был добрый, заботливый, работящий человек. Он не брезговал никакой работой по дому, а также вязал и вышивал. В доме было много полотенец, вышитых его руками», – вспоминает дочь. И вот такого доброго и заботливого мужа и отца вновь оторвали от семьи. Екатерина Анатольевна вновь осталась одна с пятью малолетними детьми: младшему Мише было два с половиной года, старшей Людмиле – 14 лет.

По делу проходили тогда 6 человек, объявленных контрреволюционной группой. Кроме священника Леонида Финикова, в нее были включены бывшие крестьяне-середняки и один кулак. О. Леонид обвинялся в том, что якобы «...будучи враждебно настроен против Соввласти, являлся активным участником к.-р. кулацкой группы, проводил среди населения к.-р. агитацию, направленную на срыв мероприятий Соввласти, распространял провокационные слухи о войне и скорой гибели Соввласти, с целью срыва полит. мероприятий на селе под видом религиозных убеждений, призывал колхозников соблюдать все религиозные праздники...».

Поскольку следствие по подобным делам

Памятная табличка в Левашовской пустоши.

часто велось с активным применением пыток, число «признавшихся» было очень высоким. Избивали ли жестоко отца Леонида, лишали ли его в течение нескольких суток сна, угрожали ли ему расправой над близкими – но он «виновным себя признал». На вопрос о конкретных фактах антисоветской деятельности следователь так записал ответ о. Леонида: «Моя антисоветская деятельность заключается в том, что я, как служитель культа, общаясь с населением, в разговорах населению доказывал, что советская власть колхозами разорила деревню, что колхозами оторвала крестьян от религии, и что поэтому якобы крестьянам живется плохо. При этом в целях отвлечения населения от колхозных работ, призывал население соблюдать религиозные праздники и не ходить на колхозные работы. Так, например, в религиозный праздник Покров день 1937 года. Я же во время исполнения религиозных обрядов исповедей говорил, что в колхозах работать грех».

Постановлением особой тройки УНКВД ЛО от 3 декабря 1937 года о. Леонида приговорили к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели в исполнение 5 декабря 1937 года в Ленинграде. Местом его захоронения стала Левашовская пустошь, находящаяся вблизи поселка Левашово Выборгского района Санкт-Петербурга.

По постановлению Президиума Новгородского областного суда от 15 мая 1968 года о. Леонид Фиников был реабилитирован. В протесте прокурора Новгородской области, основанного на жалобе сына одного из обвиняемых, говорилось, в частности, что в уголовном деле отсутствовали доказательства, подтверждающие существование в 1937 году контрреволюционной группы из числа осужденных; что расследование проведено необъективно и что показания свидетелей были сфальсифицированы. Вот так в 1937 году органами НКВД вершили дела и решались судьбы невинных людей.

Жена о. Леонида Финикова Екатерина Анатольевна, несмотря на все трудности, прожила долгую жизнь. Во время Великой Отечественной войны она как неблагонадежная была выселена вместе со всеми детьми в Кировскую область. Оттуда вся семья, за исключением Авенира, вернулась сначала в Дрегли, а потом переехала в г. Ломоносов. Всю свою жизнь она посвятила воспитанию детей и внуков, которые выросли достойными людьми. Каждый из них на своем рабочем месте честно служил Отечеству: старшая дочь Людмила работала на авторемонтном заводе, Серафим – столяром на стройке, Михаил – рабочим на разных предприятиях. Младшая дочь Нина, которой сейчас 90 лет, мечтала стать учительницей, но как «дочь врага народа» не смогла получить образование, поэтому почти 40 лет была помощником воспитателя в детском саду.

17-летний Авенир ушел в 1943 году на фронт. За подвиг, совершенный 12 сентября 1943 года, он был представлен к медали «За боевые заслуги», но получить ее не успел, так как был убит в бою 8 октября 1943 года, не дожив до своего совершеннолетия около двух месяцев.

Светлана Старшина.